

10 июня в Швеции стартует очередной чемпионат континента. А впервые лучшие команды Европы разыграли свое первенство в 1960 году. Тогда в Париже победу праздновала сборная СССР. Героем финального матча с югославами, выигранного нашей командой со счетом 2 : 1, все единодушно назвали Льва ЯШИНА. Сегодня мы начинаем серию публикаций об этом замечательном вратаре и человеке.

Лев ФИЛАТОВ

КОМОК СОВЕСТИ

Это не очерк, не биография, а отрывок размышлений о личности знаменитого вратаря. А когда пытаешься отыскать подходы к разгадке личности, неизбежны уходы в сторону, отвлечения. У меня не было внешнего повода для этой работы. Скорее всего пробивается потаенное сознание вины за то, что репортерами, современниками Яшина, говорилось о нем преимущественно протокольно-восклицательно.

Все чаще навевается недоумение: «Что за условность такая, что за неведомый устав, повелевающие всем, кто берется за футбольную тему, монашески ютиться в кругу узком и тесном, где в середине кельи — пятнистый мяч, и вращаться вокруг него дозволено по повторяющимся, заученным орбитам?». Не знаю другой репортерской темы, где бы десятилетиями были в ходу одни и те же жеванные-пережеванные слова, выражения, фразы, где пенились бы и рассусоливались одни и те же ситуации. Репортажи начинаются и замыкаются футболом, заставляя всемирную игру жить взаперти, отгораживая, отсекая ее в конечном итоге от нас же самих, делая ее промельком, видением, кадром из технического фильма. И люди, герои футбола, пусть о них нагромождены пирамиды печатных строк, проживают то ли как карнавные маски, то ли как фигуры с рекламных щитов, то ли как пациенты травматологических клиник, а если заговорят, то в лучшем случае, как записные моралисты, поучающие по обязанности с помощью немудреных, еще прадедами запущенных опустевших афоризмов. Удачливый форвард может заставить опубликовать о себе десятки репортажей и интервью, а когда спустя годы примутся его вспоминать, то только и вымолвят, натужно наморщив

лоб: «Помню, шикарно бил левой ногой!».

Недавно я просматривал в журнале беседу молодого репортера с еще более молодым полузащитником, и вдруг царпануло: что-то не так. Вчитался и понял, что полузащитник этот, успевший нажить имя, оказывается, попросту говоря, глуповат. Репортер, как видно, доверился диктофону и не подправил текст. Сознаю: в тот момент я испытал удовольствие, в кои-то веки герой выглядел человеческим, таким, каков он есть, не подравненным под трафарет, не принаряженным с чужого плеча. Быть может, пример не из красивых. Но красоты выдуманные куда страшнее.

В этой связи просится быть рассказанным происшествие, случившееся летом 1972 года, сразу после завершения чемпионата Европы, того, где в финале сборная ФРГ победила сборную СССР 3:0. В редакции еженедельника «Футбол — Хоккей» были подготовлены групповые снимки чемпионов и серебряных призеров. Снимки отдали ретушеру, милой, добросовестной женщине, хлопотунье. А в то время у нас в идеологии развернулась не на жизнь, а на смерть борьба с длинными мужскими прическами, и ретушер только что получила строжайшее указание от редактора «Советского спорта»: «Никаких лохм на плечах!» (другое его частое указание звучало так: «Смотрите, чтобы на снимках у спортсменов все округлости были мальчишеских размеров!»). И вот из самых добрых побуждений — избавить редактора еженедельника от неприятностей, ретушер взяла и подровняла прически немецких футболистов. «Стрижку» обнаружили уже в готовом номере.

И — результат: немецкий журнал «Киккер» перепечатал тот снимок с подписью:

«Таковыми преподносят наших молодых людей советским читателям».

Посчитал: в четвертый раз принимаюсь писать о Льве Яшине. Все прежнее благополучно печаталось. Но то репортерское недоумение, то недовольство самим собой, в котором я признался, чувствительнее всего не давало мне жить как раз по отношению к Яшину. Я пробовал создать облик вратаря, лучшего из вратарей, но все-таки прежде и превыше всего — вратаря. Так принято в расхожей футбольной прозе. Свое же непосредственное, душевное к нему отношение я не считал возможным доверить бумаге.

Чтобы не выглядеть голословным, приведу пример своего ограничения. Листая записи, натолкнулся на эпизод, связанный с Яшиным, который я, неведомо из каких соображений, прежде не рассказывал.

Было это в декабре 1965 года, в Буэнос-Айресе, во время турне сборной по Юж-

ной Америке. После матча с аргентинцами, закончившегося к обоюдному удовольствию 1:1, согласно ритуалу визит завершал банкет.

Огромный зал. Половину занимал длинный стол, за которым расселись принарядившиеся участники матча, аргентинцы парами, с женами, ну а мы по одному, как холостые. Угощение было превосходное, то, чем славится эта страна — мясо в разных видах и выбор любых вин. Пиршество шло своим чередом, оживляемое тостами, которые переводил переводчик. Компания вела себя чинно. Звучала невидимая музыка, слонялись официанты в белых курточках. А в дальнем углу огромного зала приоткрылся еще один стол, небольшой, и за ним девчонки, воробыная стайка, щебечущая на ушко и в нашу сторону колко поглядывавшая. Как было не поинтересоваться: «Кто такие?». Поручили узнать переводчику. И он, пошептавшись с кем-то, зашел сзади за наше крыло стола,

нагнулся и вполголоса выложил сведения: «Это девчонки, позванные для танцев, чтобы вы не скучали. Студентки. Их тут покормят. И заплатят. Но только танцы, ни-ни».

Может быть, наши еще не отошли от трудной игры, или перебрали аргентинского мяса, а кому-то, возможно, это предложение показалось скучноватым, как бы то ни было, интерес не сверкнул.

И тут всполошился Яшин. «Слушайте, а вдруг им не заплатят, если мы не станем танцевать? Их порядки не разберешь... Нет, ребята, поднимайтесь. Вы как хотите, а я пошел». И он двинулся через зал в дальний угол, как исправный кавалер, для порядка чуточку робеющий, чтобы не выглядеть нахальным, поклонился девчонке и открыл танцы. Вратаря не принято оставлять одного, вслед за Яшиным отправились толпой. И аргентинцы вывели жен на свое аргентинское танго...

Мяч здесь не фигурирует, а Яшин — в основном, определяющим своим качеством, в чуткой совестливости, качестве, вознесшем высоко его, как вратаря. Мне говорила его жена, Валентина Тимофеевна, что после каждого матча он проводил бессонную ночь, вспоминал и терзался. «Если выигрывали три-два, все поздравляли друг друга, ликовали, а он — несчастный, с лица темный, не ест, не спит, и эти два пропущенных мяча, словно в него два раза выстрелили и ранили, отвлечь его было на прасное дело».

От описания яшинского вратарского мастерства не уклонишься, дело есть дело, оно-то и выносит все приговоры. Но тут я позволю себе крамолу и заявлю, что были и есть вратари, не уступавшие Яшину. Я утверждаю это уверенно, перевидав не одну сотню вратарей наших, начиная с Акимова и Трусовича, и иностранных — с венгра Грошича и бразильца Жильмара. Но вот в чем отличие. Все другие вратари для меня были представителями своей профессии и в строгом согласии с тем, как они справлялись со своими обязанностями, возникало и отношение к ним, по-современному говоря, их рейтинг.

Для меня Яшин в такого рода таблицах места не имеет. Не из-за своего грандиозного авторитета. А почему же? И неловко, и неудобно, и рискованно признавать-

ся, но деваться некуда: не знал я другого вратаря, за которого бы постоянно опасался и побаивался. Как за уязвимого, слабого, зная и помня в то же время, что он исключительно силен и надежен.

Не намерен брать на себя чересчур много и объявлять, что знаком с ним коротко. Скажу то, в чем уверен: у меня всегда было ощущение, что я связан с ним человеческой близостью, подобием родства, хоть бы и двоюродного. Оттого и страшился за него, жалел, догадываясь, что ему боком выйдет, бедой обернется простой промах. О таком своем отношении к Яшину я и спешу сообщить «в первых строках», как писали простоудушно в письмах из деревни.

Были мы с ним двойными тезками, оба Львы Ивановичи. И когда оказывались в компании, вокруг нас немедленно затевались шуточки и смешки. Это нас невольно подталкивало друг к другу. Как и то, что у обоих — по две дочери, а со временем — по трое внуков. Было и другое, в глаза не бросавшееся. Оба мы прошли войну рядовыми, он рабочим, я солдатом. Тут не одни общие воспоминания для разговоров, тут неуловимое понимание другого. И московские корешки у обоих; у него из Богородского, у меня с Таганского холма. Не заезжие. Да и вся его вратарская карьера прошла на моих глазах, так что и в обмене мнений о футболе у нас не случалось заминки. Он на десять лет моложе, звал меня по имени-отчеству, а я его по имени, но строго на «вы», были обязательно вежливы, без панибрательства.

Познакомились мы, думаю, в 1958 году, на шведском чемпионате мира. Я был в составе делегации, проживал и столовался с командой. Когда мы вначале находились в пансионате Хиндоса, пригорода Гетеборга, Лева хаживал на озеро рыбачить, всегда один, руководством было специально признано, что это ему необходимо, чтобы приводить нервы в порядок в перерыве между матчами.

Хотя я числил себя удильщиком, но понимал, что набиваться в соучастники не следует. А когда Лева возвращался, тут мы с ним не раз обсуждали снасти, наживку, клев и улов. Он увлекался, глаза горели, привирал, разумеется, но и лег-

ко, посмеиваясь, сознавался. А час спустя, если сталкивались снова, брови сдвинуты, взгляда не поймаешь, неизвестно, видит ли он тебя с высоты своего роста. Это означало, что успел хватануть спертого воздуха делегации, что кто-то его уже «задачивал» и «настраивал». В курортном обрамлении мы ощущали себя узниками, преступными считались и смех, и громкие шаги, и анекдот, и отлучка без уведомления, и беседа с журналистом («о чем он тебя расспрашивал?»), культивировалась «рабочая» обстановка, благо надзирателей, лиц, неизвестно чем занятых, было достаточно. И давила на сборную память о недавнем «деле Стрельцова, Огонькова и Татушина», оставшихся дома из-за провинности, царило какое-то общее состояние вины.

В тот раз я впервые выехал за границу и как бывший солдат был готов принять эту полувоевность. Протест в душе проснулся позже, когда насмотрелся и наслушался, путешествуя с разными командами. С Яшиным мы не раз обращались к этой теме. Оскорбительный, глупый надзор, недремное око заставляли страдать его нежное, легко ранимое самолюбие.

Мы не ходили друг к другу в гости, не выпили на двоих ни бутылки, не было у нас общих затей, встречи были непродолжительными. И все же, несмотря на несходство в образовании, в интересах, в круге знакомств, роде занятий, о чем бы ни заходила речь, мы легко понимали друг друга, что-то общее с ним я чувствовал постоянно, мне с ним было просто, приравниваться не было нужды.

Существовало одно обстоятельство, которое чуть сдвинуло, но и сблизало. Вышли воспоминания Яшина. В Управлении футбола на Лужнецкой я нечаянно застал его за надписыванием книг на память. И тут он произнес с каким-то даже вызовом, чего между нами не водилось: «А вам от меня книги не полагаются!». Такое заявление могло обидеть, а я его принял как должное, в ответ буркнул: «Понимаю».

Задолго до этого, когда Яшин еще играл свои последние матчи, он остановил меня в каком-то коридоре и без вводных реверансов выпалил: «Давайте с вами напишем книгу, за мной гоня-

ются, даже одну даму, литераторшу, подослали». И слабо развел свои нескончаемые руки, изображая безвыходное положение. Я спросил то, что всегда спрашивают в таких случаях: «А почему со мной?». Ответ был прямой: «Так вы хоть пишете...». Подразумевалось или бесхитростно у него вышло, что, дескать, «в моем деле все равно никто не разбирается, так пусть книга будет по крайней мере грамотной». Правда, чуткий и деликатный, Лева тут же кинулся объяснять, что я его не так понял. Мы с ним по-доброму посмеялись, я сказал, что подумаю.

Не помню, чем я объяснил свой отказ. Правдой было и то, что редакторство в «Футболе—Хоккее» отнимает уйму времени, и то, что я не имел опыта работы литзаписчика, и то, что как раз тогда взялся исподволь за собственную книгу. И все-таки не эти уважительные причины заставили меня уклониться.

Представив себе монолог Яшина, сожитом и пережитом (успел сложиться стандарт автобиографий, сноровисто изложенных соавтором), я не видел возможности сопроводить монолог своим представлением о Яшине, своим отношением к нему, а без этого задача выглядела механической, а следовательно, неинтересной. Если бы издательство предложило мне самому написать о Яшине, я бы, вероятно, втянулся, хотя это и несравнимо труднее. Мне сложно было это объяснить Лева, не дай Бог кто-то из его окружения (ему самому по бесхитростности в голову не пришло бы) заподозрил, что я вознамерился возделывать яшинскую славу. Словом, мы разминулись на литературной тропе. Но кошачья пробежка, отношения не затруднились.

В работу с Яшиным включился Евгений Рубин, первостатейный журналист, ранее состоявший соавтором книг Валентина Иванова и Бориса Майорова. Они с Левой изрядно потрудились, поймав заодно приятельство. Я был Рубиным притянут в советчики, ловил ошибки и, когда в 1976 году вышел «Записки вратаря», был удостоен экземпляра с дарственной надписью «о единодушном симпатии» за подписью обоих. Но Рубин переехал в США, а «Записки вратаря», (Окончание на 4-й стр.).

(Начало на 2—3-й стр.)

хотя и нравившиеся Яшину, по свидетельству жены, все же вернее назвать книжечкой, книжицей, вышли они в огоньковской красно-белой карманной серии.

Яшин вставал в хвост любой очереди и терпеливо маялся, нисколько не помышляя о своей узнаваемости и известности. Так же произошло с книгой. Яшина дождалась, подстерегла, и литературными услугами он воспользовался уже с полупустого, бедного прилавка. Не имею права настаивать, но думается, что, когда Лева со значением не подарил мне книгу, он таким способом выразил свое неудовольствие ею. Многие отзывались о второй его книге пожатием плеч, боясь словом задеть ни в чем не повинного автора. Но он был не из любителей самообмана. Я же его книгу умышленно не приобрел, не хотел, чтобы она служила напоминанием.

Этот случай не заслуживал бы упоминания, но для меня в нем немалый смысл. Мемуарная полка у нас не бедна, для именитых мастеров «своя книга» входит в гарнитур житейского благополучия. А удачи — наперечет: воспоминания трудно терпят вмешательство чужой ремесленной руки. Я сторонник полки иного сорта — собрания книг о героях футбола, созданных литераторами по склонности, исходя из личного видения. Яшинская тема в книжном воплощении мне не кажется скомканной, она непременно раззадорит кого-то из молодых, полных сил талантов.

Яшин — одна из героиче-

ских личностей футбола, и не динамовского, не московского, не советского, а всемирного. В превознесении едины и вся пресса, и все его сверстники — соратники во главе с суперзвездами Пеле, Эйсебио, Чарльтоном, Беккенбауэром (занятно, что все названные Яшину забивали, что, возможно, для них было особым шиком). Его на моих глазах за дружеским застольем благословил на великое княжение испанец Рикардо Замора, в 20—30-х годах слышавший непревзойденным вратарем.

На протяжении многих лет все, что появлялось похвальное, возвышенное, пусть и с переклестом о Льве Яшине, признавалось бесспорным. Репортеры изощрялись друг перед другом. У нас и на Западе. И чем больше старания, чем экзотичнее выхватывались эпитеты и прозвища, тем дальше Яшин отодвигался от себя самого поближе к лубочному молодцу.

Яшин пригож и интересен. Собираясь сызнова писать, я припоминал все, что знал о нем доброе, любопытное, да и эффектное. И все же, повторюсь, определяло мое отношение к нему сострадание и боязнь. Напрасно это объяснять, толковых доводов нет, а чувство ведь вспыхнет, помимо воли, и не гаснет.

2 июля 1950 года произошел тот матч. «Динамо» — «Спартак». Динамовский стадион набит битком. Я никакой не спортивный репортер, а значит, абсолютно вольный в своих реакциях, да и вдвойне вольный, поскольку меня незадолго до этого уволили из «Комсомольской

правды» из-за отца, сидевшего в лагере, и я еще не знал, как жить дальше.

За «Спартак» я страдал открыто, напускать на себя respectableную швейцарскую нейтральность нужды не было. А страдать в тот день пришлось, мои продурвали ноль — один, и исполнением всех желаний было — сквитать. За четверть часа до конца что-то стряслось с Хомичем, и его заменили. В воротах возник долговязый парень, который, как мне показалось, не знал куда себя деть либо от неумения, либо от робости. И от его растерянного вида в душе затеплилась надежда, что матч «Спартак» спасет. Так и произошло, долговязый парень, фамилию которого я не расслышал (табло тогда еще не изобрели) принялся невопад совершать странные выпады и в конце концов наскочил на кого-то из своих, ворота распахнулись настезь, и спартаковский центрфорвард Паршин выкатился вперед и мяч вкатил. Вместе со всем спартаковским лагерем я вышел на Ленинградское шоссе в приятном расположении духа.

Но футбольные страсти не так просты, как кажется. Долговязый парень стоял перед глазами, как и нелепость, им сотворенная. Нетрудно было представить, каково сейчас ему, новенькому. У знатоков из «Советского спорта» я выведал его фамилию и то, что он до этого, играя за дублеров, нечто подобное отчебучил, и вратарь из него вряд ли выйдет. Очко, приобретенное «Спартак»ом, успело за-

биться, а явление долговязого на несколько минут полным трибунам, «всей Москве», завершившееся позором и скорее всего погубившее его карьеру, подталкивало к раздумьям о странностях и жестокостях судьбы, к чему я в те дни был особенно предрасположен по причинам, надеюсь, понятным. Вскоре, втершись в какой-то кружок болельщиков, услышал, как с язвительным хохотом перебирали новый конфуз того парня, тбилисцы ему вкололи четыре «штуки». Почему-то мне не стало смешно.

Предвижу не то чтобы возможную, а неминуемую хлесткую, грубую реплику: «С чего вдруг у спартача симпатия к динамовскому вратарю? Это ненормально, враки, не верю!».

Все мы — болельщики. Но как же мало, почти ничего неведомо о чувствах, нас обуревающих. И в этой области властвует одномерный стандарт, удобнее всего бездумно отозваться — «Болельщик!», и все вроде бы решено, различения исключены, и мы обязаны вообразить существо примитивное, чудаковатое, если не гронутое, находящееся под гипнозом и в лунатизме своем способное стать то легковерно размягченным, по-телячьим доверчивым, а то фанатично жестоким, способным на любые выходки, включая преступные. Заметьте, люди порядочные, воспитанные, не задетые нашей страстью, от болельщиков стараются держаться поодаль.

(Окончание в следующем номере).

Рассказ о Льве Яшине был расцезан в том месте, когда он в 1950 году после жестоких провалов был исключен из основного состава московского «Динамо», что побудило автора порассуждать о соотношении добра и зла.

Нет, о природе интереса к футболу полагалось бы толковать не в виде отвлечения от выбранной темы, того гляди разойдешься и забудешь, с чего начал. Поэтому — совсем коротко, только то, что нужно для повествования.

Пристрастия часто, прискорбно часто возвращены злом и злом движимы. Иной болельщик может замкнуться, даже улыбаться для отвода глаз, а про себя думать одержимо и темно: «Ах, у них форвард сломал ногу — прекрасно». «Молодчик судья, ни за что дал пенальти в нашу пользу, если был подкуплен, то так и надо». «Опять «эти» наших обыграли, гады, ну ничего, даром им это не пройдет, слышал, хлопчики собираются их автобус камнями расстрелять».

Зла сколько угодно, на любой манер. Завели, например, современные буржуа, прифранченные названием «спонсора», обыкновение в ходе матча по радио сулить «своим», только своим, куш за гол или за победу, словно перед нами не турнир в искусстве игры двух равноправных сторон, а преследование сбегавшего преступника, волчья облава. Сулили бы за дверьми, ладно, а то расписываются в матером невежестве, даже слово «бестактность» кажется слишком великим.

Если кто-то хочет доказать с помощью футбола, то прямо бы и признавались. Но нет, пользуются его общедоступностью, тем, что он на виду, и, заслоняясь им, обтяпывают делишки то политического, то националистического, то приобретательского, а то и хулиганского толка. А люди футбола, в подавляющем большинстве кроме интересов игры и своих личных, других не имеющие, приученные с малолетства к почитанию высших чинов и игрой воспитанные держаться в рамках правил и никакого своеволия себе не позволять, да кроме того, вечно помнящие о крат-

Лев ФИЛАТОВ

КОМОК СОВЕСТИ

кости своего века, разрешают действовать от своего имени и сопротивления не оказывают.

Что говорить, водятся грешки и за футбольным людом, но эти грешки без утайки, их карают, они от нехватки перьев в ангельских крыльшках, не более того. Ведь и на договорные подлоги редко когда пускаются без «визы» начальников.

Футбол придуман ради человеческого общения, он и существовать-то не способен без контактов и встреч, а его разгораживают принудительно, по-феодалному, от чего он не то что не прогрессирует, а скудеет, впадает в дикость.

Избавь меня Бог кого-то чему-то учить. Но, скажите, мыслимое ли дело, чтобы в Эрмитаже посетители — французы бызвылазно крутились в залах французского искусства, голландцы — голландского, испанцы — испанского, итальянцы — итальянского, а русские посещали бы исключительно Русский музей?

Или бы немцы слушали одного только Бетховена, поляки — Шопена, норвежцы — Грига, венгры — Листа? Жуткая, идиотская картина, не правда ли?

Как же надо себя заморочить, вывернуть наизнанку, оскопить, чтобы вопреки очевидному, не желая доверять своим собственным глазам, не восхищаться чарующей игрой команд Венгрии, Франции, Бразилии, Германии, Голландии (в разные годы, разумеется), так же как у нас — киевского «Динамо», «Торпедо», «Спартак», тбилисского «Динамо», «Жальгириса»? К слову, уж если задета моя старинная привязанность к «Спартаку», то скажу, как есть: «Стою за него, если играет классно, а когда средне, то я к нему равнодушен и матчи пропускаю».

Классный футбол в исполнении любых команд — добр, как все тонкое, мастерское, злодейство ему чуждо, не к лицу, может лишь сплунуть.

Если же признать неизбежность и торжество злого начала в окружении футбола, тогда неминуемо его перерождение из зрелища и удовольствия в выхлопную трубу, потребную властям для сброса отходов безнравственности.

Отвою упрек в том, что отвлекся. Каждый, кому футбол небезразличен, рано или поздно наталкивается на противостояние сил добра и зла. Яшин по душевному своему складу тяготел к добру и страдал, натываясь на зло. Но это мне открылось позже. А пока — к повествованию.

Долговязый парень тот как в воду канул. Услышал я, что подался он во вратари хоккейные в своем «Динамо», к тренеру Аркадию Чернышеву, который в свое время его для футбола пригласил, а теперь пригласил в ненастье. На хоккей я тогда хаживал, даже увлекся. Но уж очень хоккей условен со своим льдом, с громоздкой амуницией, с придуманными движениями, там нелегко различить, распознать человека. Немудрено, что динамовский вратарь Яшин оставил меня равнодушным: мешковатая, упрямая фигура. Можно было лишь посочувствовать ему, вынужденному затаиться в опале, маскарадно изменив внешность, чтобы забыли провал в футболе. А в «Динамо» футбольном все оставалось, как прежде: в воротах Хомич и Саная.

Тут требуется титр, как в кино. — «Прошли три сезона».

В 1953 году в воротах «Динамо» как-то вдруг снова возник Лев Яшин. Как ни в чем ни бывало, такой, каким мы знали его после этого 18 лет.

Одну из разгадок яшинской вратарской одаренности я вижу в его неординарной внешности, в особенностях его телосложения. По всем своим данным — росту, длине рук, широкому шагу — он словно бы дополнял, завершая собой, ворота, если их рассматривать как скульптурную композицию. Есть прекрасные вратари, но из-за нехватки нескольких сантиметров роста под вечным сомнением остаются верхние уголки ворот: дотянутся ли, когда нужно будет? Другие — плотно сбитые, как борцы, но как-то они себя проявляют в отчаянный момент, когда спасти

(Начало см. в № 22)

может лишь неподдающийся уразумению ящеричный изгиб? Или очень высокие двухметровики, сложатся ли они пополам, упадут ли в мгновение ока поперек шороху невидимого мяча? Яшин воротам был впору, Богом ниспосланный вратарь. Это — по внешнему виду. А едва он приходил в движение, как становилось очевидным самое ценное — его расслабленность в плечах, в поясе, в кистях рук, в коленях, та расслабленность, которая одаряет вратаря ощущением свободы, легкости, власти над мячом и в плоскости ворот, и в штрафной площади. Яшин объяснял свою мобильность тем, что с юных лет завел обыкновение выполнять, кроме своей, вратарской, еще и всю тренировочную работу полевых игроков, хотя к этому его никто не принуждал. Наверное, это так. И все же, понаблюдав за ним не в матче, не в воротах, не в спортивной спецодежде, а где угодно — на лестнице, в машине, за разговором, смеющимся, танцующим, дурачащимся, нельзя было не обратить внимания на то, как он в сравнении с другими раскован, волен. И походка у него была неуловимая, уклончивая, припадающая, будто он постоянно готов к чему-то непредвиденному.

Как случилось, что Яшин после невероятно долгого по футболным измерениям отсутствия сразу заиграл в полную силу, вероятно, останется тайной. Кроме него, никто этого знать не мог. Сам Яшин об этом времени отзывался скупно. Упомянул, что «полюбил хоккей», да о том, что в стареньком автобусе исколесил Подмосковье, разъезжая с командой дублеров. Никому он тогда не был интересен, интервью у него не брали. И все же не поверим в чудо, в то, что сделался он вратарем высокого класса «в один прекрасный день». Дарование всегда было с ним и в дни провалов. А самообладание и то, что ворота с их восемнадцатью квадратными метрами (приличная комната!) были обжиты, все это пришло к нему в изгнании как награда за то, что не пал духом, не закапризничал, все происшедшее принял как должное, остался в «Динамо», не затаил ни на кого обиды, не считал, из скольких часов должен складываться его рабочий день. Когда позже мне приходилось видеть его, знаменитого мастера, во время занятий, я вся-

кий раз удивлялся, откуда у него столько терпения и сил, чтобы обгонять молодых по прилежанию? Это была привычка, вошедшая в плоть и кровь в те годы изгнания. Она, наверное, и вылепила из него великого вратаря. Шутка сказать, начать сызнова в 24 года, в возрасте, когда давно полагается слыть звездой! Впрочем, как знать, не исключено, что поздний выход на большую арену сберег свежесть чувств, благодаря чему он играл до сорока.

Увидев Яшина снова в игре, я к некоторому своему удивлению обнаружил, что память о недавнем несчастном происшествии не изгладилась, не выветрилась. Я по-прежнему опасался, как бы с ним не стряслось чего-нибудь худого, какая-то тоненькая поджилка специально была посвящена Яшину и, если не тряслась, то вздрагивала. Тут не имело значения, что он замечательно, как никто, ловил мяч, в воротах ведь, как известно, сам черт ногу сломит, там неведомо откуда сваливается беда. Таким сложилось к нему мое отношение и когда он стоял в воротах, и помимо футбола. Все сорок лет.

Самое последнее воспоминание не стало исключением. Это когда «от имени и по поручению» союзного парламента приехал домой к Яшину блистающий самодовольством круглолицый товарищ Нишанов, чтобы одарить его звездой Героя социалистического труда. Эту процедуру, транслируемую по телевидению, было больно видеть. Роль Яшина определилась лет на двадцать раньше, но власти расщедрились, лишь когда доложили, что жить ему осталось всего ничего.

Прекрасно понимаю, что «поджилка» — это чересчур лично. И время уже попытаться, насколько это возможно объективно, отозваться о Льве Яшине — вратаре мирового значения.

Ему выпала особенная, единственная в своем роде участь. Надо представить себе годы, когда он насовсем, накрепко встал в ворота сначала московского «Динамо» и почти тут же — в ворота сборной СССР.

Летом 54-го встречал я с женой на Ярославском вокзале отца. Это еще не была реабилитация, из лагерей отпущали понемногу, сначала стариков. В жаркий день он был в ватных брюках и тело-

грейке, с «сидором» за спиной. Едва коснувшись нас сухими губами, отстраненный, он стянул шапку-ушанку с обстриженной головы и сказал, как распорядился: «Пойдем пешком». И мы шли по Каланчевке, через Красные ворота, по Мясницкой, и у встречных не могло быть сомнения, что идет бывший арестант. Но картина не была уже в новинку, не изумляла, и мы шли как бы даже с некоторой гордостью. Впрочем, что чувствовал отец, мне знать не дано.

В том, 54-м, в чемпионат страны был возвращен клуб ЦДСА, за два года до этого расформированный по повелению сталинского окружения. Появилась тогда же сборная страны, тоже отбывавшая наказание после неудачи на Олимпиаде в Хельсинки. Правда, острожно, для пробы, всего два матча дома, в Лужниках, под присмотром. Весной 55-го вернулись в Москву из лагерей и ссылки те, кто проходил по «делу Старостиных». Так что и футбол ощутил на себе приметы послесталинских выпрямлений.

А сезон 1955 года мы имеем право назвать переломным. Сборная, возглавляемая тренером Гавриилом Качалиным, начала выступать по полной программе и дома, и в разъездах, никого не опасаясь, хоть бы и чемпионов мира, немцев, которых пригласила на «Динамо» и обыграла. В те годы международный репертуар целиком и полностью был доверен сборной, она была подобием балета Большого театра. Ее матчи были украшением, по ним измерялась наша футбольная сила. Толком эту силу никто в тот момент взвесить не умел, давало о себе знать самообольщение, с одной стороны, и для равновесия — самоуничтожение, страсти вокруг сборной кипели неподдельные.

Не отдавая себе в этом отчета, мы в те годы увлекались футболом, овеваемые если не ветром, то струйками ветра освобождения, распрямляющиеся, смелеющие.

В ворота такой сборной, находящейся в центре внимания, принимаемой близко к сердцу, и встал в 1954 года Лев Яшин.

Для него сблизились, сошлись два пласта времени. В одном — трудовое военное детство впроголодь, тяга к

футболу, солдатчина, грубая шинелишка, «Динамо», ужас провала, бесконечное топтание на полустанке без уверенности, что один из проходящих составов когда-нибудь приостановится и подхватит. И вот тот самый стадион, который его некогда осмел и изгнал, отныне принял, признал, не мыслит без него порядочного матча, восторгается, а если и рассердится, то сгоряча, ненадолго. И открылась совсем другая жизнь. Внешне другая. Та, которую способен предложить большой всемирный футбол. С невидимым трудом и невидимыми терзаниями. И тем, что на поверхности: комфорт, многозвездные отели, мотоциклетные эскорты, рукопожатия с заглядыванием в глаза президентов, министров, писателей, артистов, меню ресторанов с омарами, устрицами, блюдами под крышками с названиями, которые не запомнишь, приемы, банкеты, бассейны, пляжи. И газетные разноязычные заголовки, которые спешат расстелить и перевести: «черный спрут», «волшебная рука, одетая в перчатку», «человек с бесконечным туловищем».

Не хочу обидеть никого из известных вратарей, хотя, должен признаться, попадались среди них люди так себе, а то и попросту скверные. Но мне запомнился отзыв о Яшине Анатолия Михайловича Акимова, который из его предшественников один имел право конкурировать в признании с Яшиным. Он выразился так: «Мы все — вратари, а Лева Яшин — вратарь». Разговор у нас был с глазу на глаз, Акимов за язык никто не тянул. Не прыжки и броски имел он в виду, а долю вратарскую, которая не выпадала никому ни до Яшина, ни после. Быть в согласии с редкостной, единственной в своем роде долей — это не дело техники и квалификации, это человеческий дар.

Яшин мне как-то сказал: «Написал бы кто-нибудь так, как меня знает жена, Валя». Я говорил с ней, когда Левы уже не было, не претендуя на многоречивую откровенность, желая просто утвердиться в собственных представлениях.

«Он был мужик, как мужик, — говорила Валентина Тимофеевна, — в магазин сходит, посуду помоет, правда, гвоздь в стену может и

(Окончание на 4—5-й стр.)

КОМОК СОВЕСТИ

(Начало на 2—3-й стр.)

не забить как следует, и на диване повалывается напротив телевизора, и никаких мудревых хобби, так, крючочки да мурмышки свои переберет. О деле своем страдал. А предпримчивости, накопительства в нем не было ни на грош. Из него пытались сделать чиновника, сажали на должности, а он ни в какую, по нему была разве что должность начальника команды «Динамо». А вот водить дружбу он любил, это ему легко давалось.

В футбольном обиходе властвует тренировка. Составляются программы, пишущие учебники, защищаются диссертации. Немало развелось деятелей, которые готовы тренировать кого угодно, что угодно и когда угодно, для них не существует ничего, что нельзя было бы отретировать, выдрессировать, натаскать. О тренировках совести слышать не приходилось. Бессовестность разучивают и воспитывают, это ходовое занятие: подкупают судей, чиновников из федерации, сговариваются о желанном результате матча. Совесть не поддается, и велик (только благополучен ли?) тот мастер, который ею наделен, ею меряет свою жизнь и свой труд.

Есть употребительное выражение — комок нервов. Не стану утверждать, что оно применимо к Яшину, но то, что он — комок совести, для меня очевидно.

Однажды в компании крутили кинолентку о старом-старом матче сборной. В свое время тот матч я смотрел с трибуны, и особой памяти о себе он не оставил. И вдруг на крупном плане, при приближении камеры, так и резануло, что Яшин медлит с движением, можно сказать, зевает удар по воротам и мяч катится в сетку. Для меня это было полной неожиданностью, и я круто повернулся к сидящему поблизости Яшину: «Как же так?». А он, словно и не миновало двадцати с лишним лет, горестно развел руки и тут же прижал их к груди, желая сжаться, уменьшиться: «Было, было... И что тогда на меня на-

шло, затормозило? Я этот проклятый мяч так и не выкинул из головы».

Яшин никогда не плясал, не прыгал, когда его команда побеждала, все, что происходило, что задевало, старался пережить не на людях, а скрыто, в душе. Запомнилось мне его слова: «Неудобно смотреть в глаза победенных». Точно так же и с неудачей он оставался наедине. Ни на кого не сваливал, никого не винил после гола, сожмется, втянет голову в плечи на какое-то мгновение, как бы отложит переживание, и опять за дело, и только догадываешься, как потом будет себя казнить. На «Маракане» зимой 65-го перед началом матча со сборной Бразилии Яшин отозвал меня в бетонный закоулок и

попросил сигарету. Он сидел, курил, а я его заслонял. Все знали, что он покуривает, и он не боялся нарваться на тренерские замечания, но не хотел, чтобы сигарету команда приняла за знак волнения перед игрой. А он знал, что его ожидает. В первом тайме могучими ударами ему забил Пеле и Герсон, от адреналинового наскока бразильцев спасения не было. Но когда они утомились, после перерыва, наши сквитали — 2:2.

Обостренная совесть выдвинула и возвысила его нравственно, не будь этого, фамилия Яшина не прозвучала бы надолго. Он прихварывал, еще когда играл. Отвернувшись, тайком глотал соду, а после окончания сезона ложился в больницу для профилактики, тревожила язва желудка. Но кто об этом знал на трибунах!?

Другой особенностью Яшина, поднявшей его (пусть это не покоробит читателя), я полагаю ограниченность.

единственность его способностей. Вратарское призвание было для него решительно всем, если бы можно было, он охранял бы ворота всю свою жизнь, там, только там было его место на Земле.

После проводов и поминального матча звезд мирового футбола со сборной «Динамо» в 1971 году Яшин не скрылся из глаз, не был выкинут из сердца вон. Его известность в народе, не только среди болельщиков, была повсеместной и поголовной, фамилию его знали, как взятую из букваря. Поставили его начальником родной команды вместе с тренером Константином Бесковым. Потом что-то не заладилось. Человека с таким именем полагалось трудоустроить. Что и делалось, как в «Динамо», так и в федерации. Но посты с витиеватыми названиями («зампред по...»), письменными столами наводили на Яшина тоску, честный, он стеснялся вынужденного безделья.

Для начальственных верхов

Яшин был одним из пропагандистских цветных стеклышек, из него пытались сотворить живую легенду, на манер Стаханова. Провели его через высшую партийную школу, после чего человек считается вдрызг «своим», заставляли в присутствии вождей с трибуны Кремлевского дворца произносить написанные речи, нацепив через грудь широченную красную ленту с орденами и спортивными медалями, допустили его фамилию в официальный список примерных граждан для напечатания и опубликования. Был случай, что авторитетом Яшина, как бульдозером, пытались уничтожить неугодного строптивого Валентина Гранаткина, чтобы заменить его на посту первого вице-президента ФИФА. Послали бумаги с ходатайством, да получили по носу уведомление, что сотрудничество Гранаткина ассоциацию устраивает.

Ничего этого Яшину не было нужно, он испытал на себе превратности судьбы тех, кого принудительно, по разнарядке, утвержденной за недоступными стенами, выдвигали, не спросив согласия, для разного рода показательных выдумок.

Яшин отдал все, на что был способен. Как вратарь. Три чемпионата мира, три чемпионата Европы, Олимпиада. Никого из наших мастеров не терло и не мяло столько жерновов. Это не «выезды», не «участие», не «выступления», как принято отзываться, а самые что ни на есть страсти вратарские. И не в одних воротах перетерпленные. Дважды — после чемпионатов мира в Чили и Англии — Яшин делался жертвой подлых наветов, намеков и перешептываний о том, что он и никто иной виновен в решающих пропущенных мячах, и по его милости совет-

ская сборная не взошла на ожидаемую ступеньку. Мирская экспертиза признавала его первым, лучшим, великим, а дома его травляли клеветники, благо нет ничего примитивнее, чем свалить вину на вратаря.

Но все сыгранные сезоны, с самого первого, несчастного, по последний, прощальный, что бы ни происходило, были его жизнью, его вратарским делом. Он прожил их в полную меру, на полную катушку. Прожитое складывалось не из бросков в углы и в ноги, а из всего, что испытывало его честь и труженичество. И здоровье не в последнюю очередь. В этом он и был Львом Яшиным.

Яшин — коренной, верный, неизменный динамовец. И сборная для него освоенное, родное место. Однако он состоял еще в одном клубе, пообширнее названных, под названием — футбольное братство. Упомянув в ходе рассказа о том, что Яшин воплощал в себе силы добра, я имел в виду прежде всего это братство. Он, еще даже не став мастером, сам себя зачислил в его состав.

Сколько ни приходилось мне беседовать с Левой о разных футбольных разностях, ни разу, ни полсловечка не слышал от него произнесенного со злорадством, с подначкой, с вызовом. Один только раз он буркнул, нахмурясь, про Пеле: «С ним бы лучше в хоккей играть». Он смотрел на игру без тени предвзятости, и все хорошее, классное признавал открыто, с удовольствием. Разве что, наговорив комплиментов, с усмешечкой, чтобы не упрекнули в плаксивости, промолвит: «Жаль, конечно, что так играет не наше «Динамо». Только и всего.

Как-то раз на заседании президиума федерации об-суждали проступок иногород-

него игрока, которого, как мне было известно, Яшин по-человечески не жаловал. А тут он пустился его защищать, да так басовито, грозно, что и не узнать сдержанного Лева. Его заступничество спасло провинившегося. Когда я после заседания спросил Яшина, как понять его защиту, он так же басовито (завод еще не кончился) выпалил: «Но он же профессионал, мастер, как можно его отлучать надолго от специальности?».

«Мы все одной крови» — он не отступал от этого завета. Мне доводилось неоднократно наблюдать за Яшиным во время встреч с иностранцами вне поля. Он бережно обхаживал старого, морщинистого, с палочкой Забору, по-братски обнимался с Пеле час спустя после того, как тот забил ему мяч, показывая движением ноги, как Эйсебио в каком-то матче ловко ударил, и тот расцвел, рот до ушей. Не зная языков, Яшин в совершенстве владел интернациональным футбольным жаргоном, был искусен в жестике, а память участника главных боев за четверть века позволяла ему легко находить общие воспоминания с гроссмейстерами его поколения. В этом дружеском общении он излучал радушие, которое артисту не сыграть. Думаю, что многолетний успех Яшина у соратников, как иностранных, так и у земляков, и у представителей международной прессы объясним, кроме вратарского дарования, еще и тем, что он располагал к себе людей. Не «умел располагать», как некоторые «души общества», а располагал естественно, подлинно: какой есть, такой и есть.

Любя свое братство мастеров, Яшин не обольщался, зорко, насквозь видел он и игру, и все, что ей сопутству-

ет. И пугливо глаз в сторону не отводил. Я испытал это. В 1987 году в статье Яшина прочитал: «Журнал «Огонек» опубликовал осенью очень едкую и принципиальную статью Льва Филатова, название ее расшифровки не требует — «О лжефутболе». «Недобрый» Филатов смело трогает, обличает в статье разную околофутбольную нечисть, напоминает о ее живучести, и за это ему большое спасибо».

Это был не просто отклик. За ту статью я подвергся желчной критике спортивных чиновников, был в отместку выведен из состава редколлегии «Футбола — Хоккея», лишен пропуска на стадион. Так что Яшин через печатную страницу протянул мне товарищескую руку.

Читаю высказывания молодого модного вратаря.

«Я спокойно отношусь к смене команд. У меня нет таких понятий, как «коренной автозаводец», «динамовец» или «армеец». Футболист — это черноработный. Если ему платят, то он должен пахать независимо от того, где он играет».

«Чего скрывать — я хочу хорошо выступить в этом сезоне, получить рекламу и «продаться» за границу... Прошли те времена, когда мы ломались за флаг, за вымпел, за Родину. Что еще? Стать лучшим вратарем? Завоевать приз журнала «Огонек»? И что — потом меня этот «Огонек» кормить будет, когда я закончу с футболом? Нет. Другие сейчас идеалы, другие».

Я не брошу самого маленького камешка в огород этого молодого вратаря. Но пусть имеют с ним дело другие репортеры. Мне хорошо и интересно размышлять о Льве Яшине.